

ЭВАКУАЦИЯ РУССКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Проф. А. Сидоров

В начале XX в. в высших военных кругах России возникла идея оттянуть в случае войны с Германией стратегическое развёртывание русских армий из Привислинского края на восток. В связи с этим усиленно дебатировался вопрос о Польше как передовом плацдарме. Генералы Драгомиров, Куропаткин отстаивали Привислинский край как оборудованный плацдарм для развёртывания русских армий против Германии и являлись противниками увода их за Вислу. В своём докладе царю осенью 1903 г. военный министр Куропаткин указывал, что занятие территории Польши противником в начале войны повлечёт за собой тяжёлые экономические и политические последствия. Польша — важный экономический район империи, обладающий наиболее густой железнодорожной сетью и развитой промышленностью. Захват этого района Германией поведёт к росту сепаратистского движения среди местного населения. Да и русское население не поймёт, почему армия стала врагу этот район без боя. «Отказ от обороны добытого кровью дедов достояния, — докладывал ген. Куропаткин, — произведёт гнетущее, тяжёлое впечатление на русский народ, который с первых же дней войны, даже до столкновения с противником, будет считать себя не подготовленным к войне»¹. Куропаткин решительно возражал против того, чтобы отнести сосредоточение войск в глубь страны. Однако царь являлся сторонником «нового» плана развёртывания армии. Он приобрёл себе единомышленника в лице нового военного министра — ген. Сухомлинова. После русско-японской войны новые соображения взяли верх: было решено отказаться от Привислинского края, перенести развёртывание войск на восток. Однако это важнейшее военное решение не сопровождалось выработкой экономических мероприятий (план эвакуации), которые могли бы в какой-то мере ослабить экономические потери империи в случае оставления Польши. Русское правительство проявляло удивительное спокойствие и равнодушие на этот счёт. План эвакуации населения и промышленности Польши и других районов ни до войны, ни в начале её выработан не был.

Между тем война 1914 г. впервые поставила вопрос об эвакуации промышленности так широко, как он никогда не ставился ранее. Во время предшествующих войн неприятель, заняв какую-нибудь территорию, забирал только казённое имущество и не трогал собственности частных лиц, в том числе и принадлежавшие им промышленные предприятия. Поэтому эвакуация населения и экономических ресурсов страны носила ограниченный, частный характер. Во время империалистической войны 1914 г. положение изменилось. Германские войска в войне 1914 г., захватывая какую-либо территорию, обычно забирали и вывозили все ценности, которые только можно было увезти, а оставшееся имущество, будь оно частное или казённое, уничтожали. «Война показала, — писал 30 июня 1915 г. ген. Лукомский помощнику военного

¹ Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА). Глав. штаб, д. № 177845, л. 65—108. Доклад ген. Куропаткина Николаю II о планах сосредоточения русской армии на западной границе. В этом документе вопрос о Польше как передовом плацдарме освещён со всех точек зрения.

министра ген. Беляеву, — что неприятель, занявший часть нашей территории, немедленно и по возможности в кратчайший срок вывозит из неё к себе всё то, что может иметь какую-нибудь ценность, а остальное разрушает с тем, чтобы, отступая, оставить там совершенно оголённую страну. Помимо подготовительных припасов, перевозных средств, машин, металлов, угля и др., он вывозит и всё мужское население от 17 до 50-летнего возраста... Дабы парализовать в корне эти сугубо вредные последствия хозяйничания неприятеля в наших пределах, следует заблаговременно организовать последовательную эвакуацию наших районов, которые, хотя временно, могут быть заняты неприятелем². Как видим, основой системы немецких порядков на занятой территории³ в годы первой мировой войны являлся систематический грабёж занятой территории и уничтожение всего того, что не удавалось вывезти. Поэтому воюющим против Германии странам в войне 1914 г. пришлось эвакуировать целые районы, миллионы населения, тысячи промышленных предприятий, сотни тысяч рабочих.

Польша стала ареной ожесточённых боёв уже летом и осенью 1914 года. Немецко-австрийские войска в это время докатывались до Варшавы и до среднего течения Вислы. Под Ивангородом и Варшавой немецко-австрийские войска потерпели крупную неудачу и были отброшены. Однако бои проходили с переменным успехом. После ожесточённых боёв русские войска к началу декабря 1914 г. оставили Лодзь. На северном участке фронта зимой 1914—1915 г. они вновь вторглись в пределы Восточной Пруссии, а на юго-западном фронте заняли всю Галицию, дойдя до Карпат. Такое расположение линии фронта создало благоприятную обстановку для своевременной и планомерной эвакуации на восток промышленности из прифронтовых районов. Однако ни царское правительство, ни буржуазные общественные организации не использовали тогда представившуюся им возможность. Правительство, видимо, находилось под влиянием Ставки, где разрабатывались беспочвенные планы наступления русских войск на Берлин или на Будапешт. На деле с мая 1915 г. началось отступление русских армий из Галиции, а затем последовал удар немецких войск севернее Варшавы, и русские войска начали поспешно отходить по всему фронту. Линия фронта переместилась до Риги и Западной Двины и русских юго-восточных губерний и окончательно стабилизировалась лишь поздней осенью 1915 года.

Только военные неудачи 1915 г. заставили, наконец, царское правительство заняться эвакуацией огромного и густо населённого западного района страны с большим количеством предприятий и рабочих. Но эвакуация совершалась крайне бессистемно и беспланово. Ген. Н. А. Данилов, бывший главным начальником снабжения северо-западного фронта, по своему служебному положению близко стоявший к это-

² ЦВИА, ф. 369, оп. VI, д. № 11, л. 5. Дело Особ. совещания «Об эвакуации фабрик и заводов из местностей, угрожаемых нашествием неприятеля, и о выдаче на это владельцам пособия». Одновременно ген. Лукомский намечал ряд вопросов, которые значат нас с тем, как представлялась военному ведомству организация дела. Спасение видели в наделённых широкими полномочиями губернаторах.

³ Дополнительный материал о немецких зверствах, см. «Документы о немецких зверствах в 1914—1918 гг.», изданные Управлением госархивами в 1942 году. Немцы начали с разгрома г. Калиша, затем район их зверств расширился. Военные историки отмечают планомерное и систематическое разрушение немцами во время их отступления железных и шоссеиных дорог. Только на Варшавско-Венской железной дороге в октябре 1914 г. русским командованием было восстановлено свыше 400 вёрст главного пути и устроено 107 временных мостов. «Разрушения на этих линиях были проведены германцами по заранее составленному плану и с заблаговременной подготовкой, вследствие чего были чрезвычайныо серьёзными», — пишет проф. Данилов. «Экономика и подготовка к войне», стр. 105. ГИЗ. 1926.

му делу, писал позднее, что эвакуация промышленности из Польши и Прибалтийского края протекала «в крайне разнообразных и неблагоприятных условиях»⁴. Обстановка на фронте складывалась крайне неблагоприятно, и никто не знал, где останутся и закрепятся русские войска. Совет министров опасался за Петроград. Железные дороги были заняты переброской на фронт боеприпасов, людей, запасов для крепостей. В такой обстановке началась стихийная эвакуация промышленности.

На заседании Центрального военно-промышленного комитета, обсуждавшего вопрос об эвакуации промышленности, было отмечено, что комитет занялся этой работой, когда «главная волна эвакуации уже схлынула», что у правительства никакого плана эвакуации не было, предприятиям технической помощи «никакой не оказывалось и не было никаких правил для эвакуации»⁵. Военно-промышленные комитеты находились в то время ещё в стадии организации.

Определённый порядок эвакуации правительство выработало только спустя несколько месяцев после эвакуации основных промышленных центров Западного края, а это, как признавал Центральный военно-промышленный комитет, уже не «могло исправить тех ошибок, которые были допущены при самой эвакуации»⁶.

В нашем распоряжении нет исчерпывающих материалов о ходе эвакуации промышленности из Польши в 1914 и весной 1915 года. Но, судя по сохранившимся в архиве материалам, можно утверждать, что промышленность западной части Польши, особенно её богатейшего Лодзинского фабричного района, почти не была затронута эвакуацией. Не удалось также эвакуировать большую часть промышленности Варшавы. Из Варшавы были вывезены более или менее полно лишь немногие важнейшие металлообрабатывающие предприятия, а также каменноугольные предприятия Домбровского района. Всё оборудование их осталось на месте. Не была проведена эвакуация Белостока. Ходатайство перед генеральным штабом о скорейшей эвакуации этого города председатель Центрального военно-промышленного комитета возбудил только 29 июля 1915 года. Между тем в Белостоке находилось много промышленных предприятий, ткацких и прядильных станков. Незначительная часть фабрикатов была вывезена только из Жирардова.

Эвакуация Северозападного края тоже не была осуществлена полностью. Либава попала в руки немцев нетронутой. В её порту остались невывезенными и были захвачены немцами 26,5 тыс. пудов цинка, в котором так нуждалась военная промышленность.

Нам удалось найти общий список фабрично-заводских предприятий, эвакуированных с территории Польши⁷. В нём значится всего 237 предприятий. Из Варшавы и Варшавского района было эвакуировано 153 предприятия, из Белостока и района — 18, из Бреста — 6, из Лодзи — 2, из Радомы — 8, из Гродно и Люблина — по 3, из Сувалкской губернии — 4, из Седлецкой и Холмской губерний — по 6 предприятий. В списке отсутствуют указания на дату эвакуации и количество эвакуированных рабочих и оборудования.

Большинство предприятий было эвакуировано на восток от меридиана Москва — Харьков. Судя по имеющимся материалам, эвакуация этих предприятий была проведена лишь в 1915 году. Так, большой завод Рудского и К°, ещё в 1914 г. выполнявший заказ на снаряды и счи-

⁴ Данилов Н. Указ. соч., стр. 135.

⁵ ЦГВИА, ф. 369, оп. VI, д. № 21, л. 93—94. Выписка из журнала 18-го заседания Центрального военно-промышленного комитета.

⁶ Там же, д. № 10, л. 26—28. Письмо Московского военно-промышленного комитета в Особое совещание по обороне государства, 1 июля 1916 года.

⁷ ЦГВИА, ф. 369, оп. VI, д. № 1. «Список фабрично-заводских предприятий, эвакуированных с территории польской республики». В деле имеется только наименование предприятий и указание, откуда и куда эвакуированы предприятия.

тавшийся образцовым предприятием, был эвакуирован из Варшавы в Екатеринослав (Днепропетровск) в июне 1915 г. (ему удалось вывезти 450 вагонов оборудования и готовых изделий)⁸.

Эвакуацией промышленности занимались министерство торговли и промышленности, военные власти фронтов и местные власти — генерал-губернаторы. При министерстве торговли и промышленности была создана специальная комиссия под председательством проф. Радцига. Но она ограничила свою деятельность преимущественно оказанием финансовой помощи эвакуированным предприятиям при их восстановлении. В эвакуации промышленных предприятий некоторое участие принимали военно-промышленные комитеты, но и их роль, судя по признанию Московского областного комитета, была незначительной, так как они не располагали ни средствами, ни полномочиями.

В конечном счёте руководство эвакуацией осуществлялось военными властями — начальниками снабжения фронтов и армий. С сентября 1915 г. оно перешло к Особому совещанию по обороне государства, которое позднее и создало разветвлённый, находившийся под контролем военных властей аппарат.

В распоряжение главного начальника снабжения Северозападного фронта на эвакуацию заводов был отпущен кредит в 50 млн. рублей. Из этих средств специальные уполномоченные выделяли субсидии владельцам эвакуированных предприятий и рабочим. Одновременно был отпущен небольшой кредит и в распоряжение отдела промышленности⁹ для выдачи пособий эвакуированным рабочим.

Особое совещание по обеспечению армий предметами материально-го снабжения 31 июля 1915 г.¹⁰ рассмотрело вопрос о выдаче авансов на эвакуацию предприятий и на оборудование их на новом месте. Согласно решению этого совещания, пособия на эвакуацию предприятий должны были выдаваться «распоряжением местных властей» за счёт особых ассигнований из военного фонда. Отказываясь рассматривать заявления о выдаче пособий на эвакуацию, Особое совещание предлагало просителям направлять заявления местным властям, оставляя за собой лишь выдачу ссуд на оборудование эвакуированных предприятий. Причём выдача ссуд обуславливалась выполнением требований, чтобы завод «по крайней мере в 1916 г. мог приступить к изготовлению материалов и вещей, составляющих предмет их производства и относящихся к надобностям текущей войны»¹¹. Предприятиям, которые могли восстановить производство позднее, в 1917 или 1918 гг., ссуды на восстановление предоставлялись только «в отдельных случаях» и в виде особого исключения. Особое совещание вначале не имело специального органа, который занимался бы этими сложными вопросами государственной важности, требовавшими технических знаний и постоянного наблюдения за правильным расходованием отпущенных государственных средств¹². Следовательно, на первом этапе эвакуации, до осени 1915 г., отсутствовал даже единый государственный орган по эвакуации. (Впоследствии он был создан в виде специальной комиссии по эвакуации при Особом совещании.)

⁸ ЦГВИА, ф. 369, оп. VI, д. № 362. Стенограмма заседания эвакуационной комиссии Особого совещания по обороне от 27 июля 1916 года. Завод получил 2,5 млн. руб. ссуды из 6%.

⁹ Министерству торговли и промышленности сперва было отпущено 300 тыс. руб., из которых к 27 августа 1915 г. было израсходовано 264 тыс. рублей. По просьбе кн. Шаховского Особое совещание отпустило ещё новый кредит в 300 тыс. рублей.

¹⁰ ЦГВИА, ф. 369, оп. VI, д. № 11, л. 22.

¹¹ Там же.

¹² Этим, собственно, предпринимался вопрос об организации эвакуационной комиссии, начавшей работу в сентябре 1915 года.

Ознакомимся с ходом эвакуации промышленности, начиная с лета 1915 г., когда приступили к эвакуации Риги. Во главе этого дела был поставлен ген. Жалюбовский, который распорядился эвакуировать одновременно 172 предприятия за период с 17 июля по 1 сентября 1915 года¹³. На деле эвакуация продолжалась и весь 1916 год. Никакого плана эвакуации не было. Приказы о вывозе отдавались без учёта того, что необходимо эвакуировать в первую очередь. Срок подготовки к эвакуации назначался от двух до пяти дней. При эвакуации Американско-балтийского кожевенного завода было предписано вывезти в глубь России готовые и полуготовые кожи, сырьё, медь, электрическую установку, а главное — в пятидневный срок вывезти необходимые для производства более новые машины и оборудование. Оставшееся на месте предлагалось привести «во временно негодное состояние отнятием ответственных частей». При эвакуации наиболее крупных заводов местное «начальство» проявляло особое попечение, устанавливало даже сроки восстановления их деятельности. Так администрации Рижского железо-сталительного и Русско-Балтийского заводов было не только предписано вывезти вместе со станками рабочих, но провести эвакуацию с таким расчётом, чтобы через месяц завод начал работать в Петрограде или других пунктах, а в трёхмесячный срок была бы полностью восстановлена его производительность. Подобные приказы свидетельствовали лишь об отсутствии у властей какого-либо продуманного плана и системы.

Эвакуация Риги была связана с большим напряжением работы транспорта и с затратой значительных государственных средств. «Транспортные задачи эвакуации были грандиозны, — рассказывает проф. Данилов. — Для одной Риги потребовалось более 20 тыс. вагонов, причём каждое из крупнейших предприятий вроде «Проводника», Русско-Балтийского завода и «Феникса» вывезли по несколько тысяч вагонов. Все эвакуированные предприятия направлялись в Московский железнодорожный узел с тем, чтобы дальнейшее следование и новое размещение предприятий осуществлялось по возможности по инициативе предпринимателей»¹⁴.

На выдачу пособий эвакуированным предприятиям ген. Курлов, руководивший эвакуацией Риги, в июне 1915 г. получил 19 525 тыс. руб. и израсходовал из них 6,4 млн. руб. (остальные деньги были сданы им в казначейство). Эвакуация Риги была проведена более основательно и полно, чем эвакуация других городов.

Один из крупных знатоков русской промышленности, игравший руководящую роль в организации военной экономики России и занимавший эвакуацией промышленности, Литвинов-Фалинский, по поручению эвакуационной комиссии в сентябре 1916 г. посетил Ригу, где на месте изучил условия и ход её эвакуации в 1915 году. Рига находилась под угрозой, докладывал Литвинов-Фалинский, «и потому эвакуацию предприятий приходилось производить наспех»¹⁵. Ввиду спешки и недостаточности транспорта в городе осталось значительное количество предприятий с «большим запасом оборудования, на который, в период острой нужды в этом оборудовании, заводы, работающие на

¹³ ЦГВИА, ф. 369, оп. VI, д. № 169, л. 32.

¹⁴ Данилов Н. Указ. соч., стр. 136.

¹⁵ ЦГВИА, ф. 369, оп. I, д. № 278. К сожалению, в архиве мною не найден доклад ген. Баранова о деятельности ген. Курлова по эвакуации рижской промышленности. Ген. Баранов посылался для ревизии деятельности Курлова. Сам ген. Курлов являлся противником эвакуации рижской промышленности. Эвакуацию предприятий начали осуществлять лишь после специального решения Особого совещания.

¹⁶ ЦГВИА, ф. 369, оп. VI, д. № 36, л. 225. 21 сентября 1916 г., журнал соединённого заседания эвакуационной и ряда других комиссий под председательством Родзянко. Обсуждался доклад Литвинова-Фалинского о вывозе из Риги имущества, необходимого для государственной обороны и остающегося там без употребления.

оборону, обращали свои взоры»¹⁷. Оборудование растаскивалось частными лицами и общественными организациями, представители которых проникали в город и при содействии реквизиционной комиссии получали «что было можно». И всё же даже к осени 1916 г. в Риге, по словам Литвинова-Фалинского, имелось «очень много весьма ценного оборудования, в котором нуждаются наши заводы, работающие на оборону государства»¹⁸. После поездки Литвинова-Фалинского решено было организовать новое изъятие избыточного оборудования и запасов сырья из Риги. Таким образом, даже год спустя после летней эвакуации 1915 г. в городе всё ещё сохранились предприятия и оборудование, которое с самого начала нерационально было там оставлять.

По одним данным, до 1 сентября 1915 г. из Риги было эвакуировано 172 предприятия; по другим — из Рижского района (время эвакуации предприятий не указано) было вывезено 395 предприятий¹⁹. Из этого количества почти 90% (352 предприятия) приходилось на Ригу, а остальные — на Виндаву, Ревель и другие пункты. По родам производства эвакуированные предприятия группируются следующим образом: деревообделочные предприятия — 52 (в том числе лесозаводов 18); типографии и литографии — 40; обувные предприятия — 17 (в том числе фабрики механической обуви); предприятия пищевые (в том числе консервные) — 27; сталелитейные, чугунные и механические заводы — 41; крупные машиностроительные заводы («Феникс», «Беккер», «Фельзер», «Балтийский судостроительный») — 24; электротехнические предприятия (в том числе Всеобщая компания электричества) — 6; мелкие механические и металлообрабатывающие предприятия — 48; химические предприятия (в том числе мыловаренные) — 38; текстильные и шерстяные предприятия — 15; водочные и пивоваренные предприятия — 15 (без спиртозаводов); мелкие мастерские разных отраслей хозяйства — 37; велосипедные и автопринадлежности — 5; вагоностроительные заводы — 2; оптика, кинематографические — 3 и т. д.

Самый перечень предприятий по группам производства наглядно показывает, что наряду с важными предприятиями было эвакуировано большое количество второстепенных и мелких мастерских, вывозить которые едва ли имело смысл.

По указанным в описке новым адресам предприятий можно установить и районы, куда были переброшены предприятия. Почти одна треть предприятий (12) обосновалась в Москве и ближайших к ней пригородах. К таким предприятиям относятся крупнейшее резиновое производство «Проводник», эвакуировавшееся в Москву, и 38 текстильных и обувных предприятий, также осевших главным образом в Москве и в центральных губерниях. В Петроград перебрались 30 предприятий, на юг — 25, в Нижний Новгород — 8. Крупнейшие металлообрабатывающие и машиностроительные рижские заводы разместились в Екатеринославе, Харькове, Донбассе, Петрограде и Нижнем Новгороде. Лишь незначительное количество предприятий (12) было переброшено в восточные районы и на север страны, а 70 предприятий и мастерских (очевидно, очень мелких и не восстановивших работу на новых местах) даже не указали своего нового адреса.

В г. Двинске было намечено к эвакуации 105 промышленных предприятий, но только 75 из них получили разрешение на выезд. Сколько

¹⁷ ЦГВИА, ф. 369, оп. VI, д. № 36, л. 225, 21 сентября 1916 г., журнал соединённого заседания эвакуационной и ряда других комиссий под председательством Родзянко. Обсуждался доклад Литвинова-Фалинского о вывозе из Риги имущества, необходимого для государственной обороны и остающегося там без употребления.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, д. № 169, л. 7—38.. Этот список имеет ряд дефектов, но он содержит всё же название фирм, род производства, откуда и куда эвакуировано предприятие. Поэтому, нам кажется, им можно пользоваться. Подсчёт предприятий по родам производства составлен на основе указанного нами перечня.

предприятий и куда было эвакуировано в действительности — неизвестно²⁰.

О том, как проводилась эвакуация из районов, прилегавших к юго-западному фронту, рассказано в письме главнокомандующего фронтом ген. Иванова военному министру Поливанову²¹ и в специальном донесении «Председателю Особого совещания для обслуживания и объединения мероприятий по обороне государства»²². Вся прилегавшая к театру военных действий местность по правому берегу Днепра была разделена на участки примерно по 50 вёрст шириной. Эвакуация проводилась в два приёма: сначала подготавливали к эвакуации участки, находившиеся на расстоянии 100—150 вёрст от фронта и вывозили отсюда только «громоздкие предметы» — колокола, медные части от машин и станков, а также архивы. Особые уездные комиссии в это время скупали у населения излишки скота и зерна. Организованной эвакуации промышленных предприятий не проводилось: оборудование, рабочие и инженерно-технический персонал оставались на месте. Окончательное «очищение» территории от всех запасов и материалов военного значения, запасов зерна и продовольствия и выселение всех мужчин в возрасте от 17 до 45 лет производилось только с приближением фронта на 50 километров. Вполне естественно, что при таких условиях эвакуация промышленных предприятий не могла быть проведена сколько-нибудь полно. Всё дело эвакуации было сосредоточено в руках главного начальника снабжения фронта. Его указания исполнялись губернаторами, которые и составляли особые планы эвакуации городов. Для осуществления эвакуации промышленных предприятий края и определения их значения для «обороны государства» был привлечён также и Киевский военно-промышленный комитет, создавший особые подкомиссии в губерниях Волынской, Подольской, Киевской²³. До образования военно-промышленных комитетов делом эвакуации промышленных предприятий здесь ведала местная полиция.

Мероприятия по эвакуации прилегающего к юго-западному фронту района носили вначале ограниченный характер. В августе 1915 г. командование юго-западного фронта опасалось прорыва фронта у г. Сарны и выхода противника на кратчайший путь к Киеву. Не имея достаточных сил для оказания отпора, командование²⁴, с согласия Ставки, приняло срочные меры к эвакуации Киева. Для руководства эвакуацией города 20 августа 1915 г. в Киев был командирован ген. Маврин, которому было поручено «приступить безотлагательно» к вывозу на левый берег Днепра учреждений и фабрик, эвакуированных с территории северо-западного фронта, а также начать вывоз скопившихся грузов (среди них было до 500 вагонов груза Красного Креста), затем вывезти учебные заведения округа и урегулировать движение беженцев. Меньше чем за месяц из города было вывезено около миллиона пудов грузов²⁵. Однако, как показывают материалы, эвакуация промышленности города не производилась. Командующего юго-западным фронтом ген. Иванова в это время, пожалуй,

²⁰ ЦГВИА, ф. 369, оп. VI, д. № 14. «Ведомость заведений фабрично-заводской промышленности» г. Двинска.

²¹ Там же, д. № 134, л. 83—84. Письмо датировано 28 сентября 1915 года. Основная тема письма — эвакуация Киева.

²² Там же, д. № 278, л. 13. Донесение послано 18 февраля 1916 года. В нём рассказывается, как была организована эвакуация во время летнего отступления 1915 года.

²³ Эвакуация населения в глубь страны была сосредоточена в руках члена Государственного совета кн. Урусова.

²⁴ Весьма вероятно, что командующий юго-западным фронтом ген. Иванов переоценил силы противника.

²⁵ ЦГВИА, ф. 369, оп. VI, д. № 134, л. 83—86. Одновременно ген. Иванов сообщил, что при отходе наших войск из Галиции и с наших территорий «мы не только ничего не потеряли в них, но и вывезли 12-тысячный вагонный парк с паровозами галицийских железных дорог заграничной колеи». Более подробных сведений об эвакуации отечественной промышленности не приводил.

больше занимал вопрос об эвакуации Киево-печерской лавры и «мошей», нежели вопрос о своевременной и планомерной эвакуации промышленных предприятий. Благодаря этому летом и осенью 1915 г., в то время как правительство ещё только усиленно обсуждало вопрос об эвакуации Киева и Петрограда, началась стихийная эвакуация промышленности. Железные дороги и станции были забиты огромным количеством поездов и вагонов. По исчислению Центрального военно-промышленного комитета, «в конце сентября по всей России блуждало 80 тыс. вагонов, причём части одного и того же груза попадали в отдалённые друг от друга города, и хозяева нигде не могли разыскать отправленного имущества»²⁶. На одних только московских станциях скопилось до 8 тыс. вагонов эвакуационных грузов. Грузы пропадали. Предприимчивые дельцы частенько добивались реквизиции из числа находившихся в то время на железных дорогах необходимых им станков и оборудования. Эвакуационный отдел Центрального военно-промышленного комитета за два с половиной месяца собрал сведения о 45 тыс. вагонов эвакуированных грузов и известил 935 владельцев о местонахождении их затерявшихся грузов²⁷. Эти цифры показывают как на объём эвакуации, так и на путаницу, которая царил в этом деле.

Осенью 1915 г. при Особом совещании по обороне была создана эвакуационная комиссия, во главе которой был поставлен председатель Государственной думы М. В. Родзянко. Комиссия была призвана упорядочить дело эвакуации промышленности. В начале своей деятельности комиссия установила, что наиболее угрожаемой является линия Петроград — Смоленск и вообще линия Днепра и что эвакуация предприятий должна развернуться на восток от Днепра. На театре военных действий при штабах фронтов было создано три районных комиссии — в Пскове, Минске и Бердичеве. Вследствием была организована четвёртая районная комиссия при главном начальнике Одесского военного округа в Одессе. Во главе районных фронтовых комиссий были поставлены подчинённые командованию фронтов генералы²⁸. Районную комиссию в Одессе возглавлял генерал-лейтенант Гейер²⁹. Районные комиссии не особенно торопились приступить к работе. Генералы пока что усиленно занимались разработкой штатов, смет, разрешением «дел» о материальном положении служащих и т. п. Фактически до весны 1916 г. районные комиссии не подавали особых признаков жизни и не предприняли никаких действий «в отношении разработки и подготовки эвакуации полосы, угрожаемой нашествием неприятеля»³⁰, что вызвало резкое осуждение даже на заседании Центральной эвакуационной комиссии, состоявшемся 11 февраля 1916 года. Бездеятельность районных комиссий повлекла за собой также и малую активность местных военно-промышленных комитетов, на которые было возложено учреждение подготовительных подкомиссий по эвакуации. Они были образованы только в Подольской, Волинской и Киевской губерниях.

Центральная эвакуационная комиссия, осудив бездеятельность комиссий, признала «дальнейшее промедление в этом деле» совершенно

²⁶ ЦГВИА, ф. 369, оп. VI, д. № 21, л. 93—94. Выписка из журнала 18-го заседания Центрального военно-промышленного комитета.

²⁷ Там же.

²⁸ Председателем районной комиссии северного фронта был утверждён генерал-лейтенант Бердяев, вскоре заменённый генерал-майором Вершининым; председателем комиссии западного фронта был генерал-майор Павлов, а юго-западного — генерал-лейтенант Толмачёв.

²⁹ ЦГВИА, ф. 369, оп. VI, д. № 277, 281, в котором имеются журналы и протоколы одесской комиссии. Эта комиссия приступила к работе ещё позже других районных комиссий, в апреле 1916 года.

³⁰ Там же, д. № 36, л. 126—127. Журнал 36-го заседания эвакуационной комиссии. Исключение составляли губернии Волинская, Подольская, Киевская, планы эвакуации которых были разработаны.

недопустимым и указала на необходимость заблаговременно предусмотреть «все меры для спокойной и планомерной эвакуации той полосы империи, которая находится в непосредственном тылу действующей против Германии и Австрии армии». Характерно, что комиссия вынуждена была отметить, что неподготовленность к эвакуации территории, занятой врагом в 1915 г., имела тяжёлое последствие для страны.

Помимо указанных нами выше районных комиссий были образованы Особая чрезвычайная комиссия для эвакуации Киева и 11 комиссий по восстановлению эвакуированных предприятий. Последние находились в центре районов, куда направлялись эвакуированные предприятия, именно: в Баку, Екатеринославе, Екатеринбурге, Казани, Москве, Нижнем Новгороде, Ростове на Дону, Самаре, Саратове, Томске, Харькове³¹ и позже в Тифлисе.

Председатель Особого совещания по обороне и председатель эвакуационной комиссии Родзянко усиленно выдвигали на посты председателей местных комиссий и подкомиссий своих ставленников. Ставка же (при назначении их) отдавала предпочтение представителям военного ведомства из числа опытных и технически грамотных лиц.

Нам не удалось найти списка председателей комиссии по восстановлению. Однако из архивного материала видно, что по предложению Центрального военно-промышленного комитета председателем «восстановительной» комиссии по Московскому району был назначен один из активных работников Московского военно-промышленного комитета Ю. И. Поплавский. В Нижнем Новгороде представителем всероссийского союза городов в восстановительной комиссии был крупнейший хлеботорговец Башкиров. Представители военно-промышленного комитета входили в местные комиссии по восстановлению также и в Екатеринбурге, Саратове и других городах³².

Рассмотренный нами материал позволяет сделать вывод, что спохватившись, наконец, после стихийной эвакуации 1915 г., правительство с огромным запозданием, которое повлекло за собой ослабление экономического потенциала страны, создало свою разветвлённую бюрократическую организацию по эвакуации. Центральную роль в этой системе играла эвакуационная комиссия при Особом совещании по обороне. Несмотря на то, что она подчинялась военному ведомству, фактически ею управляла буржуазия во главе с М. В. Родзянко.

Сотрудничество крепостников-помещиков с верхушкой торгово-промышленной и банковской буржуазии — характерная особенность третьеиюньской монархии Столыпина. Во время мировой войны это сотрудничество ещё более окрепло и усилилось, но крепостникам-помещикам пришлось уступить ряд руководящих позиций буржуазии. Организация земского и городского союзов, Центрального военно-промышленного комитета, наконец, значительное усиление представительства буржуазии в четырёх Особых совещаниях, созданных правительством в августе 1915 г., означало проникновение буржуазии в поры государственного аппарата и усиление влияния её на разрешение различных экономических вопросов, связанных с войной. Разумеется, это приводило к внутренней борьбе между помещиками и буржуазией. Буржуазия добивалась «у испуганной монархии уступок и дележа власти с буржуазией»³³. Идя на частичные уступки буржуазии, монархия и крепостники-помещики вместе с тем стремились «не отдать» России либеральной буржуазии»³⁴, проявляя желание даже вступить в сделку с немецкой монархией. Уступая буржуазии в деле руководства Центральной эвакуационной комиссией, пра-

³¹ ЦГВИА, ф. 379, оп. VI, д. № 10, л. 365. Стенографический отчёт заседания эвакуационной комиссии от 16 сентября 1916 года.

³² ЦГВИА, ф. 369, оп. VI, д. № 10, л. I—II.

³³ В. И. Ленин. Соч. Т. XXX, стр. 237.

³⁴ Там же.

вительство сохраняло в своих руках районные комиссии при фронтах. Руководящая роль принадлежала возглавлявшим эти комиссии представителям Ставки, зато представители буржуазных организаций, как мы видели, играли решающую роль в местных комиссиях по восстановлению промышленности:

В конце 1915 г. возник ряд важных, требовавших разрешения вопросов: о восстановлении предприятий, о денежных средствах на восстановление, о субсидиях капиталистам и выплате подьёмных рабочим.

После создания эвакуационная комиссия на первом же заседании, 8 сентября 1915 г., поставила вопрос о пределах своей компетенции и «о пределах своего ведения». Наметились две точки зрения. Одни члены являлись сторонниками того, чтобы комиссия не ограничивалась только вопросами «об эвакуации торгово-промышленных предприятий», а решала бы и другие стороны этого дела, за исключением вопросов об «эвакуации населения и устройства беженцев»; другие высказывались за то, чтобы комиссия признала «прямым предметом своего ведения» исключительно дело эвакуации торгово-промышленных предприятий, имеющих отношение к обороне государства. В конце концов победила³⁵ именно эта точка зрения. С самого начала своей деятельности комиссия занялась выяснением пунктов, откуда и куда следовало эвакуировать промышленность. На одном из её первых заседаний обсуждался вопрос об эвакуации предприятий из Петрограда и о размещении эвакуированных с запада предприятий. Представитель военного ведомства решительно высказался против эвакуации предприятий в Москву и Петроград³⁶. Комиссия признала, что Петроград в силу удалённости его от источников сырья и топлива «не может являться местом, удобным для сосредоточения в нём заводов, работающих для обороны государства»³⁷. Столица в это время испытывала большие трудности в снабжении сырьём и топливом, в городе были сосредоточены предприятия, дававшие «более 60% всего снабжения армии». Поэтому комиссия находила целесообразным, «даже независимо от хода военных действий и угрозы Петрограду от вражеского нашествия», приступить к перемещению оборонных предприятий из Петрограда в глубь страны. За этим решением последовала эвакуация из Петрограда Охтенского завода взрывчатых веществ в район Нижнего Новгорода — Растяпино (теперь Дзержинск). При этом была значительно увеличена производительность завода.

Однако хотя и комиссия и правительство много раз занимались эвакуацией Петрограда, но никаких кардинальных решений по этому вопросу принято не было. Только после состоявшегося 1 октября 1915 г. совещания военного министра Поливанова с председателями остальных трёх Особых совещаний было вынесено решение о некотором «разрежении» населения Петрограда и была создана новая комиссия по эвакуации столицы. Так одна бюрократическая комиссия порождала другую, но дело с действительной эвакуацией предприятий из Петрограда так и не продвигалось вперёд. Инициатива этого дела продолжала оставаться в руках самих владельцев предприятий. Некоторые предприятия Петрограда пошли на это. Так, правление «Русского общества для изготовления снарядов и боевых припасов» (бывш. Парвизаен) в 1915 г. решило перенести свои заводы в район «добычи угля и металлов» — в Юзово.³⁸ С лета 1916 г. здесь развернулись строительные работы, а через год (в июле 1917 г.)

³⁵ ЦГВИА, ф. 369, оп. VI, д. № 36, л. 1—2. Журнал заседания эвакуационной комиссии. О деятельности эвакуационной комиссии можно судить по сохранившимся журналам и стенограммам её заседаний. К сожалению, большинство стенограмм остались невыправленными.

³⁶ Там же, д. № 35, л. 19. Журнал заседания эвакуационной комиссии от 16 сентября 1915 года.

³⁷ Там же, д. № 36. Журнал 1-го заседания комиссии.

³⁸ Там же, д. № 329, л. 7—9.

оказалось возможным начать уже производство снарядов. Из 650 станков для производства трёхдюймовых снарядов правление перенесло на юг 470 и 110 из 250 — для производства шестидюймовых снарядов. Задержка была лишь за электроэнергией и за получением турбогенератора.

Нам известно и о другой подобной попытке вывезти предприятие из Петрограда, а именно о попытке владельца Лебедева перевезти свой авиационный завод в Ярославль³⁹, но подробными данными об этом мы не располагаем.

После февральской революции, 12 мая 1917 г. эвакуационная комиссия в связи с продовольственными трудностями вновь обсуждала вопрос о разгрузке Петрограда от излишнего населения⁴⁰. Однако Особое совещание лишь незадолго до Октябрьской революции поручило Петроградскому заводскому совещанию составить общий план эвакуации промышленности из Петрограда. Таким образом, мы видим, что и царское правительство и буржуазия оказались одинаково неспособными преодолеть порождённые войной экономические трудности. Они не сумели обеспечить крупнейший экономический центр страны ни достаточным количеством топлива и материалов, ни перебросить предприятия столицы к источникам сырья.

Эвакуационная комиссия, как мы отметили выше, очень внимательно занималась экономическими и финансовыми вопросами, связанными с эвакуацией, и прежде всего вопросом «льготного субсидирования» эвакуируемых предприятий. Среди членов комиссии было немало сторонников выдачи беспроцентных ссуд даже в самых мало обоснованных случаях; тем более охотно высказывались они за выдачу процентных ссуд с более высоким процентом (от 5 до 6). Сначала в отношении беспроцентных ссуд установилась была практика выдачи их только в первые два года после эвакуации с дальнейшим погашением в последующие 12—15 лет. Однако в конечном счёте было принято компромиссное решение, предложенное членом Государственного совета В. И. Гурко. По этому решению ссуда предоставлялась на льготных условиях: из расчёта 2—3%, но этот процент повышался или понижался в зависимости от быстроты восстановления предприятия. В случае, если предприятие быстро восстанавливало производительность или добивалось успеха «ранее назначенного срока», размер процента снижался, и ссуда даже становилась беспроцентной. Если предприятие плохо налаживало производство и не выполняло намеченных для его восстановления сроков, процент по ссуде повышался до уровня нормального, учётного. Весьма выгодным для капиталистов были условия погашения ссуды: погашение начиналось по истечении 1—5 лет после войны и могло осуществляться в течение 15 лет⁴¹.

Особенно широко применялась комиссией практика выдачи безвозвратных денежных пособий, за счёт которых покрывались расходы по перевозке и монтажу предприятий на новых местах и расходы по перевозке рабочих и служащих.

Таким образом, все расходы по эвакуации целиком ложились на плечи государства⁴², а сама комиссия выступала как орган, представлявший и защищавший интересы промышленников перед государством.

Какой порядок был установлен в отношении выплаты пособий по эвакуации рабочим и служащим? Все служащие, получавшие оклад до

³⁹ ИГВИА, ф. 369, оп. VI, д. № 343, л. 7—9.

⁴⁰ Там же, д. № 36, л. 283—284.

⁴¹ Там же, л. 4, 13—14. Журнал заседания эвакуационной комиссии от 9 сентября 1915 г. и проект правил об оказании содействия эвакуируемым предприятиям.

⁴² В качестве своего подсобного, но работающего органа эвакуационная комиссия сохранила комиссию при министерстве торговли и промышленности, которая занималась предварительным рассмотрением заявлений о субсидиях. Она и вносила свои предложения на рассмотрение эвакуационной комиссии.

2400 руб. в год, и все рабочие эвакуируемых предприятий по распоряжению или с согласия властей получали вознаграждение за счёт военного фонда в размере полумесячного оклада или двухнедельного заработка⁴³ и эвакуационное пособие (последнее выплачивалось только лицам, фактически участвовавшим в работах по эвакуации). Служащие получали пособие в размере месячного оклада, рабочие — в размере четырёхнедельного из расчёта полуторной дневной оплаты. Средства на выплату пособий предоставлялись районными эвакуационными комиссиями и министерством торговли и промышленности. Рабочие и служащие при переездах снабжались бесплатными билетами и обеспечивались также подъёмными от 5 до 20 руб. на человека. Правительство стремилось затратить возможно меньше средств на рабочих, зато очень щедро субсидировало промышленников в связи с расширением и приспособлением их производства к нуждам войны.

Классовый характер эвакуационной политики вскрывают также и указания, которые Центральная комиссия давала представителям местных районных комиссий. Оказывается, чтобы вывезти машины, рекомендовалось ни в коем случае не предоставлять вагонов беженцам, «так как при таких условиях вагонов нехватит для вывоза машин, орудий и хлебных запасов». Беженцам, «чтобы не забывать железнодорожного сообщения», предлагалось идти пешком или ехать на телегах⁴⁴.

Занявшись раздачей жирных кусков из государственных средств, Центральная эвакуационная комиссия настолько увлеклась этим делом, что фактически совсем перестала заниматься вопросами самой эвакуации. Бездеятельность районных (фронтовых) комиссий также имела хронический характер. Только в апреле 1916 г. районная комиссия северного фронта стала подавать признаки жизни⁴⁵.

В делах архива сохранилась схема эвакуации северного фронта. Разбитый на две полосы, район эвакуации охватывал (включая Псков и Великие Луки) всё побережье Рижского и Финского заливов от Риги до Нарвы. К эвакуации были намечены также три подрайона: Ревельский, Псковский и Витебский⁴⁶.

В июне 1916 г. было обследовано с целью подготовки к эвакуации 128 винокуренных заводов Ревельского района и приступили к обследованию 114 предприятий Лифляндской губернии. В Витебском районе было намечено обследовать 200 учреждений и 439 предприятий, из которых 199 промышленных и 240 торговых.

Из Эстляндской губернии к эвакуации наместили 465 предприятий (в том числе 202 винокуренных завода). Стоимость эвакуируемого имущества определялась почти в 118 млн. руб.; из 195 тыс. занятых в этих предприятиях рабочих к эвакуации намечалась 51 тысяча. Подавляющее большинство эвакуируемых предприятий предполагалось разместить в Киеве, Москве, Рыбинске, Ярославле, Саратове, Нижнем Новгороде и только немногие — за Волгой и на севере.

В апреле 1916 г. председатель эвакуационной комиссии северного фронта обратился в Особое совещание с докладом о «безотлагательной» необходимости провести эвакуацию предприятий первой зоны⁴⁷.

⁴³ ЦГВИА, ф. 369, оп. VI, д. № 36, л. 29—32, п. I. Эвакуационное пособие выплачивалось лишь по приезде на место назначения.

⁴⁴ Там же, л. 133—134. Журнал заседаний № 38, 24 февраля 1916 года.

⁴⁵ Там же, ф. 276, л. 50—52, письмо от 2 апреля 1916 г. председателям подкомиссий, л. 129—131. «Руководящие указания».

⁴⁶ ЦГВИА, ф. 369, оп. VI, д. № 282, л. 12, 34. Схема зон эвакуации и намеченные подкомиссиями районы эвакуации.

⁴⁷ К первой зоне относились уезды: Рижский, Перновский, Эзельский, Венденский, Вольмарский, Двинский, Режицкий, Илукстский и Дисненский. См. ЦГВИА, ф. 369, оп. VI, д. № 325, л. 274—275.

Однако никаких практических мер к эвакуации здесь не было принято вплоть до осени 1917 года.

Промышленность Ревеля не была эвакуирована даже и в сентябре 1917 года. Помимо недостроенных военных кораблей отсюда предстояло вывезти свыше 0,5 млн. пудов разных грузов, в том числе имущество 17 более крупных предприятий (250 тыс. пуд.) и 80 мелких (около 150—200 тыс. пудов). Огромные станки для обработки турбин и миллионной ценности подъёмные краны даже не предназначались к вывозу и должны были быть уничтожены. Никакого порядка вывоза этих грузов эвакуационной подкомиссией определено не было⁴⁸. Совершенно не было известно также, что «пойдёт морем и что по железной дороге, в какие сроки»⁴⁹. Неудивительно, что в это дело вмешался Ревельский совет рабочих и солдатских депутатов, который запретил производить такую неорганизованную эвакуацию предприятий, дав согласие только на вывоз завода Вольта.

В конце августа — начале сентября 1917 г. правительство отдало приказ об эвакуации следующих пяти крупнейших предприятий Ревеля: Электромеханического завода Вольта — в Пермь, Харьков и Москву; судостроительного завода б. «Беккер» — в Горловку и Петроград; вагоностроительного завода «Двигатель» — в Рязанскую губернию; завода Р. Мейера — в Москву; машиностроительного завода «Фр. Крулл» — в Москву.

С перечисленных заводов надлежало вывезти свыше 2,5 млн. пудов грузов⁵⁰. Кроме этих заводов, в Ревеле оставалось ещё свыше десятка крупных предприятий⁵¹.

Ревельский совет рабочих и солдатских депутатов считал, что намеченная эвакуация предприятий из Ревеля не оправдывается интересами государства и его обороны. Эту точку зрения вынужден был усвоить, наконец, даже командующий северным фронтом ген. Черемисов. Сославшись на личное приказание Жеренского, он распорядился «эвакуацию Ревеля приостановить»⁵².

Вообще в последние недели перед Октябрьской социалистической революцией, когда был совершенно утрачен авторитет власти в глазах населения и особенно рабочих, последние часто сами решали, следует или нет эвакуировать то или иное предприятие. Так, когда правление вагоностроительного завода «Двигатель» высказало намерение перебросить «бездействующую часть завода» из Ревеля в село Истье, Пронского уезда, Рязанской губернии, рабочие, сославшись на то, что «плановая эвакуация неосуществима», отказались эвакуировать предприятие. Тогда комендант крепости предложил заводу управлению немедленно эвакуировать всё предприятие, но рабочие снова помешали выполнению этого распоряжения.

Наконец, помимо ранее высказанных мотивов рабочие требовали не вознаграждения за две недели, а обеспечения «против безработицы». Открыто демонстрируя силы рабочего класса перед решительной схваткой с правительством, рабочие выдвинули революционное требование о снабжении революционного войска и рабочего класса достаточным количеством оружия. Примерно аналогичное решение в связи с вопросом об эвакуации приняли и рабочие «Российско-американской мануфактуры

⁴⁸ ЦГВИА, ф. 369, оп. VI, д. № 36, л. 138—144. Доклад Особого совещания от 4 сентября 1917 года.

⁴⁹ Там же, л. 136, 147. Выписка из протокола заседания совета от 15 сентября 1917 года. Письмо в «Администрацию северо-западного акционерного общества».

⁵⁰ ЦГВИА, ф. 369, оп. VI, д. № 331, л. 190.

⁵¹ Кроме торговых и правительственных учреждений.

⁵² ЦГВИА, ф. 369, оп. VI, д. № 331, л. 87—89. Решение ген. Черемисова противоречило политике Особого совещания по обороне и, по оценке одного официального документа, не могло «не расшатать ещё более значение государственной власти».

«Треугольник» в Петербурге⁵³. План эвакуации Ревеля так и не был осуществлён.

Подробными данными о деятельности эвакуационных комиссий других фронтов мы не располагаем. Известно лишь, что комиссия западного фронта в октябре 1917 г. разработала план эвакуации Смоленской губернии. Было намечено вывезти около 300 тыс. пудов грузов правительственных и общественных учреждений и до 600 тыс. пудов грузов заводских предприятий⁵⁴. Однако имеются данные о вывозе из Смоленска только катушечной фабрики, завода сельскохозяйственных машин и деревообделочного завода с общим количеством около 950 рабочих, из которых непосредственно на «оборону» работало только около 540 человек. Известно также, что районные подкомиссии в Одессе и Кишинёве занимались исключительно эвакуацией промышленных предприятий, которые работали и могли работать по заказам государства⁵⁵. Из Бессарабии предлагалось эвакуировать из правительственных учреждений 26,7 тыс. чел. и из промышленных предприятий 1272 человека. По сдесскому градоначальству намечалось вывезти свыше 33 тыс. чел. служащих и 24 800 рабочих и служащих промышленных предприятий. По трём уездам Херсонской губернии из 10 тыс. чел. эвакуируемых на долю промышленных предприятий приходилась лишь одна тысяча человек. Видимо, и здесь до вывоза оборудования дело не дошло.

Эвакуацией румынских предприятий летом 1917 г. ведала комиссия ген. Засядько⁵⁶. Все материалы и промышленное оборудование из Румынии должно было поступить в ведение Главного артиллерийского управления. Как в действительности проходила эвакуация румынских предприятий и были ли они размещены, как предполагалось, в Екатеринославском районе, никаких данных не имеется.

Таким образом, эвакуация в ряде случаев свелась только к собиранию всякого рода сведений и к составлению бумажных планов эвакуации и лишь в малой мере вылилась в вывоз промышленного оборудования, сырья и рабочей силы. Организация планомерной эвакуации промышленности отчасти тормозилась также и национальной политикой царского правительства, выдвигавшего ряд ограничений для лиц иудейского вероисповедания. Так, министр внутренних дел Хвостов письмом 25 ноября 1915 г. известил военного министра ген. Поливанова о недопустимости эвакуации в обе столицы предприятий, принадлежащих лицам иудейского вероисповедания⁵⁷.

От высшего начальства не отставали и местные власти. Когда таганрогский городской голова обратился в Особое совещание и министерство внутренних дел с телеграфной просьбой направлять в Таганрог эвакуируемые с запада заводы и фабрики и указал, что в Таганроге имеют право селиться евреи, казачий отдел главного штаба уведомил Особое совещание, что наказной атаман войска Донского находит ходатайство городского головы «совершенно не заслуживающим уважения»⁵⁸.

Восстановление промышленных предприятий шло довольно медленно. Значительная группа этих предприятий начала работать лишь во

⁵³ ЦГВИА, ф. 369, оп. VI, д. № 328, л. 10—11.

⁵⁴ Там же, д. № 326. Полного списка эвакуируемых промышленных предприятий нет. Судя по тому, что все расходы по эвакуации были исчислены в 300 тыс. руб., количество рабочих и служащих было невелико.

⁵⁵ Там же, д. № 331.

⁵⁶ ЦГВИА, ф. 369, оп. VI, д. № 332. Подробных данных о характере грузов и количестве эвакуируемых рабочих в деле не приводится.

⁵⁷ ЦГВИА, ф. 369, оп. VI, д. № 134, л. 146—147.

⁵⁸ Там же, л. 102. Известно, что министр внутренних дел разрешил двум евреям—рижским купцам—пребывание в Москве, и то лишь «на время войны» для выделки подошвенных кож. Там же, стр. 82 и 90.

второй половине 1916 года. Так, в начале марта 1916 г. Центральный военно-промышленный комитет имел сведения только о 443 эвакуированных предприятиях, из коих работало всего 70 и восстанавливалось 112. О положении остальных предприятий у комитета точных сведений не было. Медлительность при восстановлении эвакуированных предприятий отнюдь не являлась результатом скупости и скарденности правительства, на что часто ссылались представители буржуазии. Ссуды и субсидии отпускались даже тогда, когда никаких оснований для получения их не было. По материалам эвакуационной комиссии нами сделана выборка о 67 предприятиях, получивших ссуды и пособия. Из них только по 30 предприятиям, получившим наиболее крупные суммы из государственных средств, было предоставлено 9080 тыс. руб. на выдачу безвозвратного пособия и 61 млн. руб. в виде ссуды. Таким образом, выданная сумма только по 30 предприятиям составляла 70 млн. руб., или в среднем 2 с третью миллиона рублей на предприятие. Если учесть ещё расходы на эвакуационные вознаграждения рабочим и служащим, то эта сумма увеличится ещё более. Можно без большой ошибки сказать, что из государственного кармана в качестве пособий и ссуд предприниматели получили не одну сотню миллионов рублей.

Эвакуированный из Риги в Нижний Новгород завод Фельзер получил, например, 3511 тыс. руб., из коих 663 тыс. руб. — безвозвратного пособия, а остальные в виде ссуды на льготных условиях — 3% на 15 лет. И когда правление возбудило вновь ходатайство о дополнительном отпуске 2 866 600 руб., комиссия Радцига в выдаче не отказала, но только снизила заявку завода до 1,6 млн. рублей⁵⁹.

Машиностроительному заводу Мазур и К°, эвакуированному в Москву, эвакуационная комиссия по его просьбе отпустила 36 тыс. руб. безвозвратного пособия, хотя он уже был восстановлен и работал. Эвакуированному из Риги в Серпухов текстильному заводу, получившему безвозвратное пособие при эвакуации, дополнительно было выдано 100 тыс. руб. в виде безвозвратного пособия и 1 млн. руб. ссуды⁶⁰.

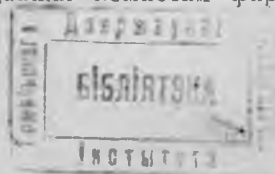
Видя податливость эвакуационной комиссии, к ней часто обращались всякого рода проходимцы, всегда готовые поживиться за счёт государства. Так, некий граф Ледоховский, вывезший при эвакуации из Варшавы несколько сковородок да венских стульев (всё оборудование предприятия осталось на месте), переселившись в Николаев, основал там мелкую механическую мастерскую, а затем потребовал от государства 520 тыс. руб. якобы на расширение завода. Эта «выходка», однако, была настолько наглой, что даже благодетели буржуазии из эвакуационных органов отказали Ледоховскому в его просьбе. Но не исключено было, что, имея солидных покровителей среди членов комиссии, даже он получил бы просимые им средства.

Так, перебравшаяся в Москву рижская фирма «Диана» задумала шире использовать благоприятную конъюнктуру военного времени и в шесть раз увеличить своё производство. Обратившись за деньгами в эвакуационную комиссию, она просила отпустить почти полмиллиона (486 тыс. рублей) пособия и ссуды. Комиссия Радцига снизила заявку наполовину. Но это решение вызвало протест председателя эвакуационной комиссии Родзянко, который заявил: «Это в сущности является не чем иным, как выдачей ссуды для устройства нового предприятия. Может быть, нам так и опубликовать, что мы выдаём ссуды желающим получить для устройства нового предприятия, да ещё с понижением процента до нуля»⁶¹. Однако несмотря на возражения председателя и дискуссию по этому поводу на заседаниях комиссии фирма,

⁵⁹ ЦГВИА, ф. 369, оп. VI, д. № 366.

⁶⁰ Там же, д. № 364.

⁶¹ Там же, д. № 362, л. 22.

благодаря сильным защитникам, получила ссуду в размере 141 тыс. рублей.

Вагоностроительному заводу «Двигатель», вывезшему в Луганск только небольшую часть своего оборудования и рабочих (завод фактически остался в Ревеле), была отпущена ссуда в 2,6 млн. руб. с рассрочкой на 15 лет⁶².

Насколько эвакуационная комиссия близко принимала к сердцу интересы предприятий, особенно крупных, показывают следующие факты. Французская фирма «Проводник» занимала на мировом рынке четвертое место, а по производству шин — второе. Она эвакуировала из Риги в Москву лишь ту часть завода, которая выполняла заказы военного ведомства. Фирма при эвакуации получила безвозвратное пособие в размере 1760 тыс. руб. и ссуду 16 137 тыс. руб., следовательно, всего — около 18 млн. рублей. Ссуда была выдана на 20 лет. При обсуждении этого дела в Особом совещании по обороне выяснилось, что финансовое положение фирмы «совершенно благоприятно и по видимому позволило бы фирме восстановить производство за счёт собственных средств и за счёт кредита государственного банка»⁶³. Кроме того фирма значительно повысила свою доходность: дивиденд колебался от 10 до 14%. Акции «Проводника» к этому времени были уже скуплены «Тругольником». И тем не менее Особое совещание, отпуская фирме огромные средства, исходило только из того, что это поставщик на армию, обязавшийся восстановить производство весной 1916 и к половине 1917 г. сдать продукции на 15 млн. рублей. При отказе же субсидии, по мнению членов комиссии, фирма могла заняться изготовлением других предметов, а правительство вынуждено было бы обращаться к заграничному рынку, затрачивая на это большие суммы валюты⁶⁴.

Эвакуационная комиссия много раз обсуждала вопрос о выдаче пособия и ссуды «Всеобщей компании электричества», эвакуировавшей своё производство из Риги в Петроград, Москву и Харьков⁶⁵. На заседаниях комиссии выяснилось, что предприятие бесспорно является германским (накануне войны 60% его акций принадлежали немцам, в руках русских находилось менее трети (27%) акций и 13% было под сомнением). «Компания» имела на 42 млн. руб. от казны заказов и получила от неё немало авансов. Чтобы предотвратить конфискацию предприятия, правление «Компании» намеревалось дополнительно выпустить акции на 6—8 млн. руб., с тем чтобы они попали в русские руки, и тем самым как бы руссифицировать предприятие. Наряду с этим, при акционерном капитале в 12 млн. руб., оно возбудило ходатайство о выдаче ему 2 млн. руб. безвозвратного пособия и 6,5 млн. руб. ссуды, т. е. 8,5 млн. рублей. Конечно, это был ловко задуманный ход. Покровители этой «Компании» из министерства торговли и промышленности предложили выдать ему 1329 тыс. руб. безвозвратного пособия и почти 6 млн. руб. ссуды. Обсуждение вопроса в эвакуационной комиссии протекало бурно. Представитель военного ведомства обвинял правление в том, что оно сносится с немцами. Несмотря на это

⁶² ЦГВИА, ф. 369, оп. VI, д. № 362, л. 284. Журнал 48-го заседания эвакуационной комиссии от 4 мая 1916 года.

⁶³ Там же, ф. 369, оп. VI, д. № 35, л. 53—55. Журнал заседания эвакуационной комиссии от 11 октября 1915 года.

⁶⁴ Там же, д. 54, л. 156—157. Журнал Особого совещания № 36 от 30 ноября 1915 года. Общую стоимость всего имущества «Проводника» в Москве после окончания всех строительных работ эвакуационная комиссия определила в 27,8 млн. рублей.

Земельные участки и здания потребовали расходов в 18 млн. рублей. Фирма оценивала своё имущество в Риге в 54 млн. рублей.

⁶⁵ Основные отделы были переведены в Харьков, где разместились в помещениях завода Гельферих-Саде. Из 1470 вагонов грузов лишь 88 перевезены в Москву. «Компания» начала эвакуацию в июне 1915 года. ЦГВИА, ф. 369, оп. VI, д. № 862. Журнал 45-го заседания комиссии от 16 апреля 1916 года.

нашли защитники «Компании», которые утверждали, что «Всеобщая компания» принесла русскому правительству «колоссальную пользу». Это вынудило одного из членов комиссии выступить против руководства «Компании» с обличительной речью: «Дело в том, что если у нас электричество не развивалось и если оно убито, то только благодаря существованию Всеобщей компании электричества... Я считаю её деятельность скорее вредной, чем полезной, и считаю, что это предприятие должно быть безусловно русским, и нужно сделать это без боязни, так как это сделали англичане путём секвестра и передачи в частные руки, если казна не в состоянии будет сама вести дело»⁶⁶. Однако предложение о секвестре не встретило поддержки председательствовавшего Родзянко, который вместо этого высказался за выдачу «Компании» государственного пособия. Таким образом, государственный орган встал на защиту германского предприятия, хотя и ввёл в состав правления инспектора от правительства. Однако о деятельности его нет никаких данных. После чисто технического доследования вопроса об израсходовании полученного «Компанией» от Главного артиллерийского управления миллиона рублей, вопрос о ссуде вновь был поставлен на обсуждение комиссии в октябре 1916 года⁶⁷. К этому времени ещё более убедительно выявился германский характер предприятия.

Командующий северным фронтом сообщил о «массовых случаях шпионства в пользу Германии со стороны служащих общества»⁶⁸. Тем не менее, несмотря на всё это, предложение о секвестре «Компании» «в казну по минимальной оценке» не было поддержано. Комиссия высказалась за предоставление «Компании» безвозвратного пособия и ссуды, но пока что отсрочила выдачу пособия до заключения комиссии по борьбе с германским засильем⁶⁹. Это только один из ярких примеров антигосударственной деятельности эвакуационной комиссии, действовавшей зачастую в интересах монополистов и связанных с ними представителей господствующих классов царской России.

«Русское общество для изготовления снарядов и военных припасов» (бывш. Парвизайнен), добровольно решившее эвакуироваться из Петрограда в Донбасс поближе к руде и углю, тоже задалось целью построить новые предприятия за счёт казны. Оно просило отпустить почти 14 млн. руб. (из них 4,3 млн. руб. в качестве безвозвратного пособия) из государственного сундука. Комиссия Радцига, рассматривавшая заявку, снизила сумму безвозвратного пособия до 3 млн. руб. и оставила сумму просимой ссуды почти неизменной. Однако такой открытый грабёж государственных средств вызвал протест даже подавляющего Родзянко. «Я не вижу, — говорил он, — почему государство в таких громадных цифрах будет поощрять г. Парвизайнена и тем самым возьмёт на себя обязательство всякому, кто купит там участок, также давать деньги... это не эвакуация, а благодеяние, прикрытое эвакуационными соображениями»⁷⁰.

⁶⁶ Основные отделы были переведены в Харьков, где разместились в помещении завода Гельферих-Сале. Из 1470 вагонов грузов лишь 88 перевезены в Москву. «Компания» начала эвакуацию в июне 1915 года. ЦГВИА, ф. 369, оп. VI, д. № 862. Журнал 45-го заседания комиссии от 16 апреля 1916 года.

⁶⁷ ЦГВИА, ф. 369, оп. VI, д. № 36, л. 232—233.

⁶⁸ Там же. На комиссии было зачитано присланное 20 мая 1916 г. донесение Главнокомандующего северного фронта от 5 декабря 1915 г. о шпионаже служащих этой фирмы в пользу Германии.

⁶⁹ К этому времени правление «Компании» приняло уже решение об увеличении акционерного капитала с 12 до 24 млн. рублей. Реализация его должна была пройти через международный банк. Очевидно, правление банка сумело заинтересовать некоторых членов комиссии и тем самым обеспечить настойчивую защиту интересов компании в комиссии.

⁷⁰ ЦГВИА, ф. 369, оп. VI, д. № 362, 46-е заседание эвакуационной комиссии 21 апреля 1916 года; см. также д. № 36, л. 152.

Однако резкая отповедь Родзянко была спокойно выслушана игравшими руководящую роль в министерстве торговли и промышленности — Литвиновым-Фалинским, Чемберсом и прочими «защитниками интересов отечественной промышленности» и г. Парвизайнена⁷¹. Литвинов-Фалинский для вразумления Родзянко только цинично произнёс: «Вся русская промышленность на авансах создана: мы авансы для того и даём, чтобы она развивалась и не попадала в руки банков»⁷². Так, выдача многомиллионного пособия прикрывалась флагом защиты интересов независимости промышленности от банков и целиком отвечала стремлению буржуазии всячески поживиться за счёт государства. Приведу ещё один яркий пример антигосударственной деятельности эвакуационной комиссии.

Крупнейший комбинат «Общества северо-западных металлических, механических и судостроительных заводов, бывших «Беккер», имел заводы в Либаве, Риге и Ревеле. На постройку одного только большого морского завода в Ревеле «Общество» затратило 22 млн. рублей. Предприятия «Беккер» имели заказы Главного артиллерийского управления на 29 млн. руб. (в счёт этих заказов был получен аванс в 11 млн. руб.). Кроме того заводы «Беккер» имели на 17 млн. руб. заказов от морского ведомства.

Начав эвакуацию предприятия, общество «Беккер» получило от казны ещё 1,5 млн. руб., в том числе 398 тыс. руб. — в качестве безвозвратного пособия. Между тем действительные расходы по перевозке имущества выразились в весьма скромной сумме — в 35—40 тыс. рублей. Оборудования «Общество» вывезло всего лишь на 750 тыс. руб., таким образом, правительственная ссуда в два раза превышала стоимость всего вывезенного оборудования. Часть оборудования завод вывез в Горловку. На строительство новых корпусов он затратил почти 4,5 млн. руб., но в виду большого финансового напряжения заводы Беккера систематически оставались без денег. В мае 1915 г. (ещё до начала эвакуации) правительство отпустило «Обществу» в виде ссуды свыше 17 млн. рублей. Но полученная от правительства огромная сумма не оказала никакого влияния на реальное финансовое положение общества, так как вся она уплыла в кассы банков, в счёт покрытия долгов⁷³. Такая же судьба постигла и полученные в счёт заказов от Главного артиллерийского управления 11 млн. рублей. Комиссия, обследовавшая завод, установила финансовый дефицит в несколько десятков миллионов рублей и полную необеспеченность выполнения правительственных заказов. Поэтому вопрос о новой ссуде «Обществу» перерос в общий вопрос о финансовом положении «Общества» и о возможности выполнения им правительственной программы. После длительного обсуждения, сперва в эвакуационной комиссии, потом в Особом совещании по обороне, потребовалось специальное обследование вновь строящегося завода, в Горловке, которое было поручено провести ген. Манниковскому. В результате обследования Манниковский высказался за поддержку горловского завода. Однако комиссия, наконец, небольшим большинством голосов решила поставить вопрос о секвестрировании завода.

Весь изложенный нами эпизод с заводами «Беккер» показывает, что правительство иногда вкладывало в отдельные предприятия огром-

⁷¹ Фалинский особенно расхваливал предприимчивость владельцев завода, сумевших увеличить и число рабочих почти в пять раз: с 1690 до 8 тыс. человек.

⁷² ЦГВИА, ф. 369, оп. VI, д. № 362, протокол 46-го заседания эвакуационной комиссии.

⁷³ Как выяснилось 7 сентября 1916 г. на заседании эвакуационной комиссии из доклада Фалинского, 14 млн. руб. были переведены непосредственно банком, а 3 млн. руб. — не прямо, «а через кассу завода». ЦГВИА, ф. 369, оп. VI, д. № 179. Журнал 65-го заседания эвакуационной комиссии; см. также д. № 36, журнал 62-го заседания эвакуационной комиссии от 24 августа 1916 года.

ные средства, значительно большие, чем весь акционерный капитал, принадлежавший пайщикам общества⁷⁴. Финансовые дельцы фактически вели дела и получали новые авансы от казны за счёт государственных средств.

Все указанные выше примеры, а их можно было бы приумножить, свидетельствуют о чрезмерном расточительстве эвакуационной комиссии, с лёгкостью выдавшей предприятиям огромные ссуды и субсидии и недостаточно строго требовавший, чтобы они быстрее восстанавливались и приступали к работе на оборону. Во многих случаях эти ссуды предоставлялись явно в ущерб государственным интересам.

Мы не располагаем исчерпывающими данными для того, чтобы представить полную картину восстановления эвакуированных промышленных предприятий и их участия в работе по выполнению заказов правительства для нужд армии.

Эвакуация преследовала своей целью не только сохранить промышленное оборудование от врага, но использовать его для нужд армии. Как видно из имеющихся материалов, эвакуационная комиссия не вела точного учёта восстановленных предприятий. Не располагал этими данными и Центральный военно-промышленный комитет. Основываясь на сохранившихся в делах эвакуационной комиссии и военно-промышленного комитета частичных данных, мы можем сделать вывод, что на начало марта 1916 г. эвакуационно-реквизиционный отдел, как мы видели выше, имел сведения о 443 эвакуированных предприятиях⁷⁵, из которых 70, или менее 20%, предприятий уже работали, а 112 — восстанавливались (об остальных предприятиях сведения отсутствовали). В сохранившихся материалах нет данных ни о распределении предприятий по отраслям промышленности, ни о количестве рабочих, ни о ценности продукции, ни о величине полученной ими от государства ссуды. Известно, однако, что Центральный военно-промышленный комитет считал, что «восстановление (предприятий. — А. С.) совершается очень медленно»⁷⁶.

Спустя 7 — 8 месяцев после эвакуации свою деятельность возобновила только незначительная часть предприятий и около четверти предприятий находилось в процессе восстановления на новом месте. Сумели ли они приступить к производству и когда они это сделали, — совершенно неизвестно. Никакого плана или широкой программы восстановления предприятия ни эвакуационная комиссия, ни Особое совещание по обороне не намечали. Видимо, не было этих планов и у местных комиссий. Буржуазные организации занимались главным образом ходатайством перед правительством об отпуске средств.

Московский военно-промышленный комитет, обратившись 1 июля 1916 г. со специальным письмом в Особое совещание по обороне⁷⁷, сообщал о крайне печальном состоянии «большинства эвакуированных предприятий». Корень этого тяжёлого состояния комитет видел в беспорядочной эвакуации Западного края. Пытаясь выяснить причины, которые мешают восстановлению предприятий, Московский военно-про-

⁷⁴ Мы не знаем, сколько средств обществом было получено от морского ведомства, но и кроме этих средств из документов видно, что правительство вложило в заводы ещё до их секвестра свыше 30 млн. рублей.

⁷⁵ ЦГВИА, ф. 369, оп. VI, д. № 21, л. 93—94. Выписка из журнала Центрального военно-промышленного комитета.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ ЦГВИА, ф. 369, оп. VI, д. № 10, л. 26—28. В письме указывалось, что деятельность самого комитета в деле помощи эвакуированным предприятиям носила случайный и крайне неуверенный характер. Многие предприятия, «имеющие важное значение с точки зрения государственных интересов, в течение целого года не могут приступить к восстановлению своей деятельности». Очевидно, это было связано не только с недостатком средств у предпринимателей, а с общим экономическим кризисом в стране, мешавшим восстановлению предприятий.

мышленный комитет приступил к обследованию эвакуированных предприятий. С целью урегулирования вопроса по восстановлению предприятий на новых местах комитет просил Особое совещание предоставить ему права для разрешения «всех вопросов, касающихся дела восстановления эвакуированных предприятий, вплоть до права реквизиции станков, машин и иного оборудования тех предприятий, которые при наличии возможности восстановления своей деятельности будут по тем или иным причинам уклоняться от этого». Разумеется, из этого ходатайства ничего не вышло, так как Особое совещание не имело желания предоставлять праву комитету распоряжаться распределяемыми в централизованном порядке государственными деньгами, металлами и т. п. Хотя правительство и вынуждено было допустить представителей буржуазии в свои органы, но помещики ещё не собирались уступать буржуазии всех своих функций.

Однако под давлением буржуазных организаций и под влиянием критики с их стороны деятельности правительственных органов по восстановлению эвакуированных предприятий Особое совещание и эвакуационная комиссия все же попытались заняться выяснением положения эвакуированных предприятий.

24 февраля 1916 г. эвакуационная комиссия вынесла решение об обследовании Московского, Поволжского и Южного районов, где была размещена основная масса эвакуированных предприятий⁷⁸. Однако эвакуационная комиссия не слишком торопилась. Окончательное решение о поездке и список предприятий, намечаемых для проверки, были утверждены только 5 апреля 1916 года. Было отобрано 45 предприятий, из них: в Южном районе—15, в Московском—18, в Поволжском—12. В Южный район поехал Литвинов-Фалинский, в Московский—генерал-майор Попов и в Поволжский—профессор электротехнического института Аваев⁷⁹.

Из материалов видно, что обследовались наиболее крупные предприятия, игравшие важную роль в снабжении армии и получившие от правительства значительную финансовую помощь. Представление о размерах этой помощи даёт следующая таблица, составленная нами на основании материалов обследования⁸⁰.

Наименование района	Количество предприятий	Безвозвратное пособие	
		в рублях и копейках	
Южный	13	1 107 949—64	5 122 957—19
Московский	17	4 292 413—85	22 559 764—
Поволжский	11	3 638 177—85	13 892 119—
Всего	41	9 038 541—34	41 574 840—19

Следовательно, обследуемые предприятия получили от казны свыше 50,5 млн. руб., а каждое из них—по 1232 тыс. руб., в том числе по 220 тыс. руб. безвозвратного пособия.

Обследователи по приезде сделали чрезвычайно оптимистические выводы. По мнению обследовавшего предприятия Поволжского района Аваева, состояние девяти предприятий, за исключением заводов «Феникс» «Шпехт», вполне удовлетворительное. Обосновавшийся в Твери Русско-балтийский вагоностроительный завод «произвёл очень хорошее впечат-

⁷⁸ ЦГВИА, ф. 369, оп. VI, д. № 35, л. 132—133.

⁷⁹ Там же, л. 147. Время объезда было намечено с 15 апреля по 15 мая 1916 года.

⁸⁰ Сведения о размере финансовой помощи были даны о меньшем количестве предприятий, чем было намечено для обследования. Одно предприятие—кожевенный завод,—намеченное к обследованию, совсем не прибыло на место. ЦГВИА, ф. 369, оп. VI, д. № 35, 362. Журналы 50 и 52-го заседания эвакуационной комиссии.

ление»⁸¹. На заводе установлено 227 станков и осталось установить 269; не прибыл ещё 71 станок. Завод начал уже выпускать продукцию. В марте им изготовлено 383 вагона. Успех достигнут благодаря слиянию завода с существовавшим в Твери и располагавшим помещением, оборудованием и сырьём Верхневолжским заводом. Такое же положительное заключение обследователь сделал о литейном заводе «Урсаж», объединившемся с заводом Мицинского (Тверь). Завод начал работать, но из-за недостатка алюминия приостановил выделку гранат, и поэтому часть оборудования бездействовала.

Завод «Рессора» в Рыбинске только что приступил к восстановлению: куплен участок земли и завезен кирпич. Хуже было положение, по заключению обследователя, на крупном заводе «Феникс». В разных местах было разгружено две с половиной тысячи вагонов оборудования. Завод получил миллион рублей безвозвратного пособия. Пришлось выделить подкомиссию, которая должна была разобраться в делах этого предприятия. Завод пока был далёк от начала работы.

Завод «Дидрих Штраус» в Рыбинске возвёл на 75% заводские здания; треть зданий уже использовалась для работы.

В Нижнем Новгороде были осмотрены три завода механического производства — «Фельзер», «Новая Этна» и «Отто-Эрбе». Строительные работы на этих предприятиях, как докладывал Аваев, «идут крайне энергично».

Мы намеренно остановились на характеристике отдельных предприятий. Такое ознакомление показало, что оптимистическое заключение обследователя далеко не всегда было вполне обоснованным. На деле оказалось, что наиболее крупные предприятия только приступали к восстановлению, а «Феникс» был совсем в трудном положении. Часть мелких предприятий не имела заказов.

Заключение ген. Попова о предприятиях Московского района тоже было положительным. По его словам, принятые на себя фирмами обязательства выполнялись в договорные сроки и даже досрочно, предприятия фактически восстановлены «в тех частях, которые и прежде работали на оборону»⁸². Однако более детальное ознакомление с положением дел заставляет внести значительную поправку в приведённую Поповым характеристику. В действительности из 17 осмотренных предприятий восстановили свою работу только четыре. Шесть предприятий вели постройки, и предполагалось, что они смогут закончить строительство зданий в срок. Но не было известно, когда будет закончен монтаж оборудования и начнутся работы. Трёх предприятиям для восстановления в назначенные сроки требовалась дополнительная финансовая помощь от казны. Четыре предприятия — химический завод, завод подков, джутово-льняная фабрика и механический завод вообще не могли закончить восстановительные работы в назначенные сроки. Таким образом, по московскому району не было никаких оснований для безмятежного оптимизма ген. Попова⁸³.

Ещё более хвалебным и менее состоятельным был доклад Литвина-Фалинского⁸⁴. Его заключение — полнейшая противоположность полному тревоги докладу Московского военно-промышленного комитета⁸⁵. Доклад этот был представлен в Особое совещание месяцем позже доклада Фалинского. По словам Фалинского, деньги, выданные

⁸¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. VI, д. № 362. Доклад Аваева был заслушан эвакуационной комиссией 1 июня 1916 года. Журнал 52-го заседания комиссии.

⁸² Там же, д. № 35, л. 169. Журнал 52-го заседания эвакуационной комиссии.

⁸³ В делах эвакуационной комиссии мы нашли упоминание о докладе ген. Попова 30 ноября 1916 г. об осмотре 20 эвакуированных предприятий Московского района, но подробные данные в нём не приводились.

⁸⁴ ЦГВИА, ф. 369, оп. VI, д. № 362. Журнал 52-го заседания эвакуационной комиссии.

⁸⁵ Там же, д. № 10, л. 26—28. Этот доклад мы цитировали выше.

казной владельцам предприятий, «не только даром не брошены, а принесли плоды, ибо большинство заводов как раз производит то, в чём оборона больше всего нуждается»⁸⁶. Апологетический характер доклада Литвинова-Фалинского, связанного с промышленными кругами в течение десятилетий, преследовал задачу поощрения эвакуационной комиссии быть более щедрой в выдаче субсидий промышленникам за счёт казны.

Заслушав доклады своих членов, эвакуационная комиссия решила продолжить проезд и наблюдение за восстановлением предприятий, но не сделала каких-нибудь других, более серьёзных и основательных выводов. Таким образом, через два года войны вступили или вступали в строй только десятки эвакуированных предприятий, а сотни их находились ещё только в процессе восстановления; судьба же остальных предприятий оставалась неопределённой. Так, царское правительство, оказавшись неспособным провести планомерную и своевременную эвакуацию промышленности с запада на восток, своими собственными руками нанесло сильнейший удар по экономическому потенциалу страны.

В связи с медленным ходом строительных работ и монтажа оборудования восстанавливаемых предприятий эвакуационной комиссии пришлось пересмотреть сроки их восстановления. Вместо 1 октября 1916 г., первоначально объявленного предельной датой для восстановления предприятий, эвакуационная комиссия в конечном счёте отказалась от установления общего предельного срока и стала назначать сроки для каждого отдельного случая. Острый недостаток металла также тормозил ход восстановления промышленности⁸⁷.

Из всего вышеизложенного можно сделать следующее общее заключение. Правительство, не разработав общего плана эвакуации промышленности из западных районов страны в начале войны, допустило тем самым крупнейшую ошибку. Эта ошибка была усугублена полнейшим бездействием его в отношении эвакуации прифронтового района и после того, как Польша стала ареной боёв.

Эвакуация предприятий из Польши и Прибалтики в 1915 г. прошла хаотически, без плана и руководства со стороны правительства. Польская промышленность была эвакуирована в очень малых размерах. Значительное количество вывезенного оборудования было потеряно в дороге, а огромная часть оставлена на месте. Организованные на местах комиссии для восстановления предприятий работали чрезвычайно плохо. Все расходы по эвакуации ложились на казну, за счёт военного фонда. Часто, нарушая интересы казны, правительственные эвакуационные органы слишком считались с интересами предпринимателей и щедро выдавали им казённые средства в виде ссуд и безвозвратных субсидий. Но даже и при этих условиях царскому правительству и буржуазии не удалось организовать быстрого восстановления промышленных предприятий. Через два года после начала войны и через год после эвакуации в строй вступила только незначительная часть эвакуированных предприятий. Это усиливало подрыв экономической мощи страны и развитие экономического кризиса во время войны. Всё это произошло потому, что политика царского правительства и буржуазии в вопросах эвакуации являлась антинародной и отвечала лишь инте-

⁸⁶ ЦГВИА, ф. 379, оп. VI, д. №№ 362, 436. Дело с «Беккером» изложено мною выше. Речь идёт более чем о 30 млн. руб., отпущенных казной этой фирме.

⁸⁷ Ввиду недостатка металла комитет по делам металлургической промышленности 30 июля 1916 г. специально предупредил эвакуационную комиссию о необходимости ограничивать потребление металла и заменять его «другими материалами». См. д. № 21, л. 124.

ресам узкой верхушки буржуазии и банков. Правительство и буржуазия часто шли в вопросах эвакуационной политики на поводу у иностранного капитала.

Разумеется, нельзя сравнивать эвакуационную политику царского правительства в период первой мировой войны с эвакуационной политикой советского государства во время войны с гитлеровской Германией, но, чтобы яснее показать пропасть, отделяющую один строй от другого, и показать, каких результатов можно добиться в области эвакуации, когда она проводится социалистическим государством по единому государственному плану в интересах народа, а не в своекорыстных интересах буржуазии, достаточно привести следующее. По объёму эвакуированная во время первой мировой войны промышленность составляет не более 10—13% промышленности, эвакуированной советской властью. В 1941 г. одних крупных промышленных предприятий было эвакуировано свыше 1300⁸⁸, многие из которых были настоящими предприятиями-гигантами с многотысячными коллективами рабочих. Эвакуация советской промышленности была проведена очень организованно. В то время как в первую мировую войну предприятия перебрасывались на несколько сот километров и за отдельными редкими исключениями разместились западнее Волги, во время второй мировой войны советская промышленность перебрасывалась за тысячи километров на Урал, в Сибирь и Среднюю Азию. Несмотря на огромные трудности такой эвакуации, все советские эвакуированные предприятия «были в основном восстановлены уже в первом полугодии 1942 года»⁸⁹. В период первой мировой войны мы имели совершенно другую картину. Через два года после начала войны была восстановлена лишь небольшая часть (20—25%) эвакуированных крупных предприятий.

Так, на частном примере военной экономики, вскрывается экономическая и политическая отсталость царской России. Господствующие классы царской России—помещики и буржуазия—продемонстрировали свою неспособность не только в организации военных операций на фронтах, но и в организации тыла страны, в частности промышленных ресурсов. Несмотря на критику действий царского правительства со стороны кадетско-октябристских лидеров и других представителей либеральной и «деловой» буржуазии, сама она фактически и пользовалась исключительным покровительством и субсидиями со стороны правительства.

В области позитивных задач русская буржуазия оказалась неспособна на широкую и смелую инициативу и творчество. Прикрываясь эвакуацией, буржуазия преуспела лишь в одном—в получении ссуд и субсидий за счёт государственного казначейства.

⁸⁸ Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства, стр. 9 ГИЗ, 1946.

⁸⁹ Там же.